

2207

10 ноября 1982 г. ♦ № 45 (4903)

ПЕРСПЕКТИВА времени многое меняет в судьбе художника. Расстояние помогает лучше увидеть истинные размеры дарования. Маяковский пятидесятых годов и Маяковский восьмидесятых годов — не одно и то же. Тогда многим казалось, что он закрыл собой весь поэтический горизонт. Сегодня за ним открывается вся горная цепь нашей классики. И ближняя вершина — Блок, и за ней другая вершина — Некрасов, а дальше идут снежно-белые пики Тютчева, Лермонтова, Баратынского, Фета, Кольцова, Алексея Толстого и, наконец, Эвсерст нашей русской поэзии — Пушкин, обманчиво доступный, но еще не покоренный ни одним восходящим, а за Пушкиным в дальней дали поблескивает алмазная гора Державина и на самом краю горизонта, в туманной мгле веков — безымянное «Слово о полку Игореве».

Маяковский как бы замыкает собой эту горную цепь. Нет, пожалуй, не замыкает, поскольку ближе к нам, на таком расстоянии, что, кажется, протяни руку и коснешься ее, возникла новая вершина — Твардовский. «Гороброзование» классики продолжается. И Маяковский теперь воспринимается не «по отдельности», а в ряду великих имен, как важнейшее звено в цепи. Самый нетрадиционный русский поэт, он оказался продолжателем великой традиции, истоки

Виктор
КОЧЕТКОВ

ческого искусства. Вместе с Горьким, Есениным, Блоком, Демьяном Бедным, Серафимовичем, вместе с Алексеем Толстым, Шолоховым, Леоновым, Тихоновым, Асеевым он закладывал фундамент этого дома и возводил его стены. Следующему поколению довелось крыть крышу и вести внутреннюю отделку, нынешнее поколение обживает его, населяет его предметами поэтического обихода, правда, не всегда новыми и не всегда высококачественными. В этом доме нашлось место и для деревенской вышивки, и для солдатской шинели, и для рабочей куртки, и для модного, «импортного» дивана, и для восточного ковра, и для изделий научно-технической революции, и даже для старых, основательно потемневших от времени «солоухинских» икон.

Да, Маяковский — замечательный пример революционного новаторства. «Эмблемой революционного новаторства» назвал его Александр Михайлов. Но «образ» новаторства у каждой эпохи свой. И дело тут не только в обновлении словаря, в новизне поэтических средств, в «градусе» революционного пафоса.

Для одного времени задача сводилась к вылизыванию «чужих плевков», к возвращению человеку нравственного, духовного здоровья, к освобождению его от скверны прошлого. Для другого времени отведена задача терпеливого, неназойливого воспитания человека. Для третьего времени в запасе у вечности найдется новая цель и новая работа.

Маяковский, словно всевышний в день творения, давал имена всему новому, что рож-

дал Сурков с его «Земляной» и «Песней смелых», Михаил Светлов с его «Гренадой» и «Итальянцем». Поэзия тех лет вроде бы утратила широту, «космизм», была не так «многозначительна» по содержанию. В ней получили господство местная краска, «пейзаж» местного значения, локальные проблемы и конкретные людские судьбы. По манере письма она ближе стояла к «старой» классике, чем к Маяковскому. Но по сути она была продолжением его главной традиции — поэт обязан создать портрет своего времени. Именно портрет и именно своего времени.

В конце пятидесятых, в начале шестидесятых поэты разных поколений одновременно ощутили перемены в климате нашей поэзии. Еще не до конца осознавая, каковы особенности этих перемен, они начали настойчивый поиск новых путей для нашей лирики.

Можно ли считать биографической случайностью, что Александр Твардовский завершил свой путь книгой лирики, в высокой степени исповедальной, обращенной к внутреннему миру человека, а не во внешность событий, что Александр Прокофьев в своем «Приглашении к путешествию» звал нас, по сути, к откровенному разговору о делах сердечных, душевных, что Александр Яшин в своем «Дне творенья» вдруг из традиционного «эпика» превратился в интимнейшего лирика, обнажившего сокровеннейшие стороны души. А поэзия Мартынова? А поэзия Заболоцкого?

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Маяковский и современная поэзия

В дискуссии, начатой статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36, 1982), уже выступили критики А. Кондратович («ЛГ», № 37), В. Сухнев («ЛГ», № 38), А. Казинцев («ЛГ», № 41), Ал. Михайлов («ЛГ», № 43), поэты Е. Исаев («ЛГ», № 39), А. Васадзе, М. Ильинский и В. Соколов («ЛГ», № 40), О. Шестинский («ЛГ», № 44), читатели («ЛГ» №№ 41, 44). Сегодня — слово поэтам В. Кочеткову и В. Сидорову.

НЕОБХОДИМОСТЬ И НЕИЗБЕЖНОСТЬ

которой скрыты в тумане времени.

«Разносные» филиппики Шенгели насчет того, что все лучшее в Маяковском взято у других, а все худшее изобретено им самим, являются, конечно, ядовитыми плодами недоброжелательности и предвзятости. Но он одним из первых «от обратного» увидел эту связь «горлана-главаря» с национальной художественной традицией и даже указал некоторые ее ориентиры — Некрасов, Лермонтов, Пушкин. Потом исследователи нащупали нити, связывающие Маяковского и с Державиным, и с Блоком, и даже с Ломоносовым и Кантемиром. «Я, осмеянный у сегодняшнего племени, как длинный скабресный анекдот, вижу идущего через горы времени, которого не видит никто». Тек в «Облаке в штанах» определил Маяковский и собственный путь, и собственную судьбу. Сегодняшний поэт пишет о Маяковском: «Поэзия Маяковского стала неотъемлемой частью отечественной культуры». Тут важны оба определяющих слова — и «неотъемлемая», и «часть».

И когда мы затеваем дискуссию о традициях Маяковского в современной поэзии, мы должны прежде всего принимать во внимание эту новую временную перспективу, эту связь Маяковского с русской художественной традицией. Иначе традиция Маяковского превратится в некое прокрустово ложе, на котором маленьких ростом будут бить молотами критики, чтобы довести до нужных размеров, а тех, кто не укладывается в это ложе, «освободить» от лишней длины.

В тридцатые годы, когда иные судьи литературные уподоблялись профессиональным плакальщицам на похоронах нашей поэзии, в ней рождались и «Страна Муравия», и прокофьевская «Улица Красных зорь», и «Юго-Запад», и «Катюша», и ахматовская «Ива», и пастернаковское «На ранних поездах», и сурковская «Родина мужественных», и вильевский «Соляной бунт», и корниловская «Моя Африка», и еще немало того, чем мы ныне по праву гордимся.

В сороковые годы, когда плач по нашей поэзии продолжался в прежнем регистре, родилась военная лирика, великое завоевание нашей литературы, наша талантливая художественная летопись народного подвига. Критики писали о засилье мелкотемья, постановления сетовали на унылый пессимизм лирики, а в поэзии появлялись «Флаг над селом» и «Дом у дороги», тончайшая лирика Мартынова и «Зодчие» Кедрина.

В пятидесятые годы, отнесенные критикой к времени засилья «псевдосоциальности», наша поэзия приобрела и поэмы Луговского, и стихи Заболоцкого, и песни Исаковского, и лирико-философские миниатюры Мартынова, и первые циклы молодых поэтов, которым суждено было вскоре возглавить движение нашей лирики.

Словом, плакальщики плакали, а поэзия развивалась и с достоинством выполняла свою задачу.

Маяковский — архитектор и строитель дома социалисти-

- «Идущий через горы времени»
- Метаморфозы прогнозов
- Большие масштабы малой территории

дала Революция. Он оконтурил месторождение революционного искусства. Он дал эпиграфы почти ко всем революционным темам, дал бессмертные формулы новой жизни, новой этики и эстетики, новой гражданственности, новой веры. Он сделал то, что требовало время. И сделал в высшей степени талантливо и честно.

А потом пришло новое время и новые люди. У них были другие задачи. Они были не разведчиками, а нефтедобытчиками. Они осваивали месторождение, открытое Горьким и Маяковским.

Поэзия Твардовского, Багрицкого, Прокофьева, Тихонова не походила внешне на поэзию Маяковского. В то время были другие поэты, которые с большой настойчивостью утверждали себя как единственных продолжателей традиций Маяковского, как единственных наследников его славы и его воли. Но где они? «Иных уж нет, а те далече». Настоящими продолжателями были те, кого поначалу считали «традиционалистами», «некрасовцами», «архаистами». Те, кто порой даже отрицался от чести быть продолжателем традиции Маяковского. Настоящими продолжателями великой художественной традиции нашей поэзии, частью которой является и Маяковский, стали Твардовский с его «Страной Муравией» и «Василием Теркиным», Михаил Исаковский с его «Проводами в соломе» и «Катюшей», Александр Прокофьев с его «солонечниками» стихами, Алексей

«Души изменчивой приметы» — вот что Заболоцкий хотел сделать главным в своей лирике, вот что он мечтал перенести на полотно художественного произведения. А разве не об этом мечтала тогда вся лирика, во всяком случае, лучшая ее часть. Разве не об этом стихи Владимира Соколова и Валентина Сидорова, Станислава Куняева и Владимира Цыбина, Николая Рубцова и Юрия Кузнецова, Валентина Сорокина и Федора Сухова.

Из всех великих строев нашего времени стройка души является самой великой и самой главной стройкой. И все лучшее, что сейчас создано в поэзии, рождено на этой стройке.

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.
Но поэзия —
пресловучейшая
штуковина:
существует —
и ни в зуб ногой.

Прошедшая школу войны, революции, пятилеток, снова войны и снова пятилеток, лирика опять вернулась на «малую» территорию человеческого сердца и ведет на этой территории нелегкий бой за новое, за светлое завтра.

Сегодняшний стих негромок, не так наполнен пафосом политики, не так инструментально лозунгами и призывами, не так категоричен в оценках, не так броско метафоричен, как стих двадцатых годов, не

так учителен, медитативен, как стих тридцатых годов, не так обжигающ и горек, как стих сороковых, не так расхристан и растерян, как стих пятидесятых, и не так элегичен, как стих шестидесятых.

Сегодняшний стих памятливы, сосредоточен, поглощен одной думой, внимателен к тончайшим движениям человеческой души. Сегодняшний стих выполняет работу трудную и внешне неброскую. Он помогает человеку стать лучше, чище, тоньше, нежнее, отзывчивее, сосредоточеннее. Он учит человека за большим не забывать малого, за космосом не забывать о былинке в поле. Он возвращает человеку почти утраченное им в суматохе двадцатого века единение с природой, родственное чувство ко всем «малым» проявлениям жизни.

Если бы нынешняя поэзия громко вещала на различные «актуальные» темы, если бы она старательно возводила стихотворные «лесенки» и старательно имитировала голос, стиль и почерк Маяковского, на что, кстати, кое-кто и толкал ее, она была бы куда дальше от традиций великого пролетарского поэта, чем теперь, когда она тонким «хирургическим» инструментом правит человеческую душу и делает это с большой осторожностью, что называется, «затаив дыхание». Может, отсюда и появилось название «тихая лирика»?

Как писал лет пятнадцать назад Станислав Лесневский, «различная степень формальной близости к Маяковскому лишь подчеркивает всеобщее признание принципиальной значимости его творчества и его личности поэтами несхожих художественных направлений». Большие художники многогранны. Каждое время поворачивает их к себе той гранью, чей свет больше всего ему нужен. Сейчас Маяковский, на мой взгляд, самое сильное и самое живое влияние оказывает не как публицист, плакатист, сатирик, а как лирик, как родоначальник того нового направления в поэзии, которое мы называем «гражданской лирикой» и которое так необходимо на великой стройке души. Впрочем, я не собираюсь отделять Маяковского-агитатора от Маяковского-лирика. Мне ближе второй. Кому-то ближе первый.